

О СЛАВНОЙ
БѢЛОЗЕРСКОЙ ОБИТЕЛИ

И ЕЯ ОСНОВАТЕЛЬ

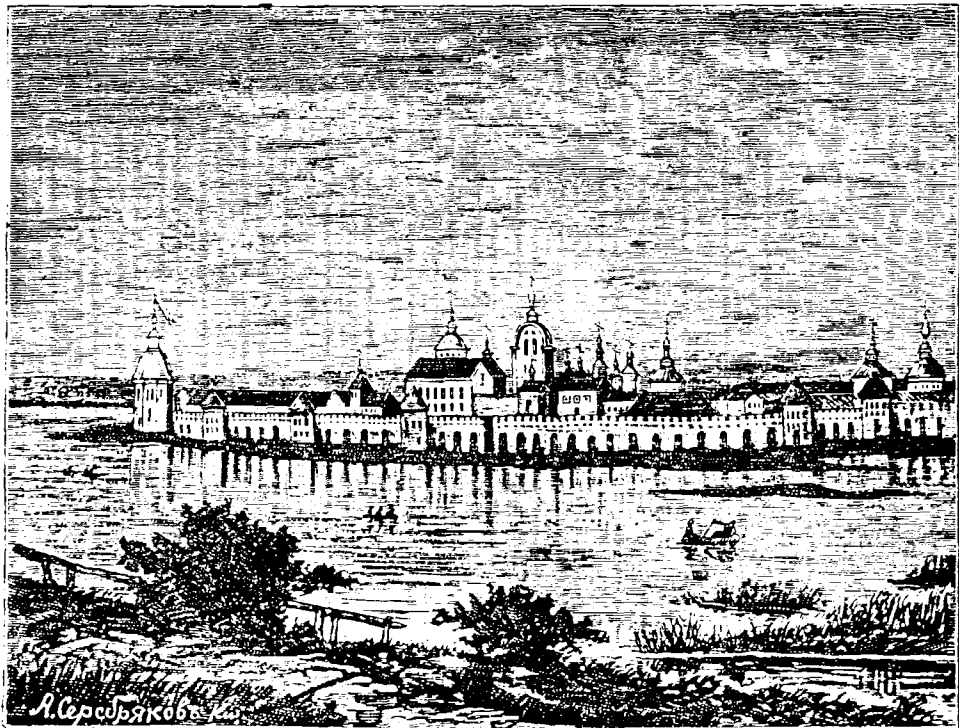
ПРЕПОДОБНОМЪ КИРИЛЛѢ.

Т. Толычевой.

На одобрѣнїе Издательскаго Общества при учрежденной, по Высочайшему повелѣнїю, Министерством Народнаго Просвѣщенїя Постоянной Комиссїи по устройству народныхъ чтенїй.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1885.

О С Л А В Н О Й БѢЛОЗЕРСКОЙ ОБИТЕЛИ

И ЕЯ ОСНОВАТЕЛЬ ПРЕПОДОБНОМЪ КИРИЛЛЪ *).

Кто не бывалъ въ Троице-Сергіевской обители? Кто не поклонялся Московскимъ угодникамъ? Кому неизвѣстны, хотя по слухамъ, Кіевскія пещеры и духовные подвиги праведниковъ, въ нихъ почивающихъ? Но немногіе изъ богомольцевъ нашей мѣстности нынѣ ходятъ на поклоненіе преподобному Кириллу въ отдаленный Бѣлозерскій край. Обитель Кирилло-Бѣлозерская лежитъ въ 681 верстѣ отъ Москвы и въ 654 верстахъ отъ Петербурга.

*) Писано въ Москвѣ.

Кириллъ, а по немъ и монастырь его названъ Бѣлозерскимъ не потому, чтобы самъ Кириллъ жилъ или основалъ свою обитель на Бѣлоозерѣ, а потому что вся окрестная страна, которую Кириллъ наполнилъ славой своей святости, именуется Бѣлозерскою *). Обитель же основана на сѣверномъ берегу Сиверскаго озера, и не въ далекомъ разстояніи отъ нея находятся еще два озера. Вотъ почему въ житіи преподобнаго Кирилла сказано, что мѣсто избранное имъ, отовсюду «яко стѣною окружено водами». Насупротивъ монастыря, по срединѣ озера находится маленькій островокъ—и на немъ деревянный крестъ, по преданію водружен-

*) А само Бѣлоозеро длиною въ 150, шириною въ 40 верстъ, лежитъ въ 40 верст. отъ монастыря Кириллова. Это озеро принимаетъ въ себя 26 рѣкъ, а выпускаетъ только одну знаменитую рѣку Шексу, которая подъ Рыбинскомъ впадаетъ въ Волгу.

ный иреподобнымъ Кирилломъ. Тамонніе жители говорятъ, что островокъ этотъ никогда не пощмается водою, и, что, когда озеро ломаетъ ледъ свой, то ледъ на него не всходитъ.

Прекрасна ровная гладь этого пяти-верстнаго озера, съ утра до вечера и ночью мѣняющаго цвѣтъ свой. Въ право возвышается та гора, съ которою Кириллъ въ первый разъ увидѣлъ мѣсто, указанное ему въ видѣніи Богоматерью для обителя. Эта гора закрываетъ собою Горицкій женскій монастырь, котораго главы изъ за нея едва-едва мелькаютъ. Кирилло-Бѣлозерскій монастырь стоитъ на широкомъ мѣстѣ и окруженъ двойнымъ рядомъ стѣнъ, съ высокими обширными башнями. Издали, верстъ за пять, начинаютъ бѣлѣть эти стѣны и башни монастыря Кириллова. Невдалекѣ отъ обите-

ли находится уѣздный городъ Кирилловъ, передъ которымъ лежитъ поклонная гора, гдѣ останавливаются пѣшіе богомольцы и откуда издали поклоняются обители. Ихъ всегда здѣсь много, потому что Кирилловъ монастырь лежитъ на пути къ великому богомолью Русскаго народа, къ Соловкамъ, и не обойдетъ Вѣлозерскаго угодника ни одинъ странникъ-богомольецъ. А было время, когда обитель эта служила мѣстомъ поклоненія для многихъ тысячъ Русскихъ людей. Многие Московскіе бояре въ прежнее время, принявъ на себя пночество, подвизались въ этой обители. Много приняла она усердныхъ обѣтовъ, много слышала торжественныхъ молитвъ, много видѣла горячихъ слезъ; и великъ передъ Богомъ ея основатель. Заглянемъ-же въ далекое прошлое, и пускай узнаетъ православный на-

родъ о святой обители, куда ходили на поклоненіе наши дѣды.

Случилось это давно, когда считалось Москвѣ не больше двухъ сотъ лѣтъ, когда не было у нея непагляднаго Кремля съ его затѣйливыми башнями, не было богатыхъ храмовъ и великолѣпныхъ домовъ, когда тянулись поля и шумѣли лѣса тамъ, гдѣ нынѣ пролѣжены широкія улицы. Жителей Москва считала немного: не то что теперь. Стояли въ ней скромныя деревянныя церкви, да избы крытыя соломой, словно въ селѣ; терема боярѣ и самого великаго князя не походили на теперешніе дворцы: князья и бояре жили тѣсно, даромъ что любили блестящія одежды и веселые шры.

Родился тогда въ Москвѣ ребенокъ, котораго окрестили Козьмою. Рано полюбилъ онъ Бога, и Богъ его полюбилъ, и росъ ребенокъ въ чистотѣ и правдѣ подѣ

окомъ Божиимъ. Осиротѣлъ онъ еще въ отрочествѣ и по смерти родителей попалъ въ домъ богатаго своего родственника, великокняжескаго боярина. По ливая доля мангла Козьму: привольно рыбкѣ лишь въ водѣ и птичкѣ подѣ открытымъ небомъ, а душа ребенка просила лишь уединенія и молитвы. Не полюбились ему парчевыя одежды, вкусныя обѣды, игры и пляски, не заслушивался онъ ни сказочниковъ, ни пѣсенниковъ. Будь только его воля, облекся-бы онъ въ монашескую рясу, и ушелъ-бы въ темную келію, гдѣ сталъ-бы жить молитвой да вкушать черствый хлѣбъ. Но бояринъ не хотѣлъ о томъ и слышать, а Козьма повиновался покровителю своего сиротства, и когда выросъ, получилъ управленіе надъ его имѣніями, и служилъ ему вѣрой и правдой. Но въ свободное время онъ предавался своей тайной мысли, ходилъ на богомолье.

по монастырямъ и стоялъ долгіе часы на молитвѣ. Такъ проши многое годы, и онъ достигъ уже тридцатилѣтняго возраста, а вѣра его не остывала, и все больше и больше призывалъ его къ себѣ Госнодь.

Говорила тогда вся Русь о святомъ Троицкомъ старцѣ, Сергіи Радонежскомъ. Ходили къ нему многіе за благословеніемъ, потому что съ его благословеніемъ нисхѣдила на человѣка и благодать Божія. Много подавалъ онъ милостыни, много произнесъ передъ Богомъ горючихъ молитвъ, много основалъ монастырей, чтобъ и другіе вѣрующіе могли въ нихъ спастись и молить о прощеніи своихъ грѣховъ. Одинъ изъ возлюбленныхъ его учениковъ¹ выстроилъ также на берегу рѣки Махры *) обитель, въ которой жилъ игуменомъ. Его звали Стефаномъ и слылъ онъ инокомъ

*) Въ 30 верстахъ отъ Сергіевой лавры и въ 10 в. отъ уѣзднаго города Александрова.

постнымъ и благочестивымъ. Случилось ему придти въ Москву. Услыхалъ о томъ Козьма и почувало его сердце, что посылаетъ ему Богъ покровителя, и что близокъ часъ его посвященія Богу. Онъ пошелъ къ Стефану и, какъ увидалъ его, упалъ къ нему въ ноги съ плачемъ и повѣдалъ ему свою тайну. Поднялъ его игумень, сказалъ ему утѣшительное слово, и обѣщалъ открыть ему путь ко спасенію. Стефанъ зналъ, что бояринъ не отпуститъ въ монастырь своего родственника, но испугался гнѣва вельможи, надѣлъ рясофоръ на Козьму, котораго назвалъ при постриженіи Кприлломъ, и пошелъ къ боярину.

Никто не ожидалъ игумена, и очень обрадовался ему хозяинъ дома, вышелъ его встрѣчать въ сѣни, какъ встрѣчаютъ почетныхъ гостей, и низко ему поклонившись, просилъ его благословенія. Стефанъ ему сказалъ: «Тебя благослов-

листь богомолецъ твой Кирилль». Незнакомое ему имя поразило боярина и онъ спросилъ: «Кто такой Кирилль?»

— «Твой сродникъ, сказалъ ему Стефанъ, а теперь инокъ, Господу работникъ, и о тебѣ мѡлельщикъ». Всныхнулъ гнѣвомъ бояринъ, когда узналъ о такомъ презрѣннн своей воли, и отвѣчалъ святому игумену дерзкимъ оловомъ, а игумень не захотѣлъ войти подъ кровъ, гдѣ принимали его безъ любви и не внимали слову Божиему—и удалился!

Очень опечалилась о томъ жена боярина. Она вела жизнь благочестивую и имѣла большую вѣру къ Стефану. Горько ей было, что не вошелъ онъ въ ихъ домъ и она стала уговаривать мужа помириться съ игуменомъ. Послушалъ бояринъ разумнаго слова своей жены и отправилъ по сланнаго догнать Стефана и упросить его возвратиться. Незлобиво было сердце Сте-

фана: пришелъ онъ опять къ боярину, и бояринъ покаялся передъ нимъ и сказалъ ему, что дозволяетъ сроднику своему Козьмѣ, нареченному Кирилломъ, жить по своей волѣ и идти, куда пожелаетъ.

Великъ былъ этотъ день въ жизни Кирилла. Горячо благодарилъ онъ Бога, и немедленно отрекся отъ всего земнаго. Своимѣніе раздалъ нищимъ, и не оставилъ себѣ ничего на старость, на черный день. Онъ зналъ, что въ старости Господь его поддержитъ, зналъ, что въ черный день Господь его не покинетъ.

Стефанъ отвелъ его въ Симоновъ монастырь, недавно основанный архимандритомъ Θεодоромъ, племянникомъ преподобнаго Сергія Радонежскаго. Было тогда Кириллу тридцать лѣтъ, и тридцать лѣтъ пробылъ онъ въ Симоновомъ монастырѣ. Тамъ удивлялъ онъ всю братію своей смиренной и благочестивой жизнью. По тяго-

тился онъ уставомъ монастырскимъ, не тяготился ни строгимъ постомъ, ни долгою молитвой. Онъ служилъ Богу и служилъ братіи, перечитывалъ священныя книги, ночью совершалъ правила и клалъ земные поклоны. А лишь только раздавался звонъ къ заутрени, онъ шелъ первый въ храмъ. Онъ работалъ на хлѣбнѣ и на поварнѣ, рубилъ дрова и носилъ воду. Часто заглядывался онъ на печной огонь и задумывался. О чемъ онъ думалъ? Онъ думалъ о мученикахъ, которые шли съ божественными пѣснями на костры и принимали жестокую смерть во имя Христа. и завидовалъ Кириллъ ихъ блаженной долѣ. Думалъ онъ и о грѣшникахъ, которые забыли Христа и приготовили себѣ огонь вѣчный, и молился за нихъ Кириллъ.

Съ умиленіемъ говорила о немъ братія, и вездѣ стало чтимо его имя. Приходилъ иногда въ Симоновъ монастырь, изъ сво-

ей Троицкой обители, преподобный Сергій навѣщалъ племянника. Его встрѣчали съ любовью и почетомъ, какъ Богомъ посланнаго гостя; онъ обмѣнивался съ иноками братскимъ поцѣлуемъ, осѣнялъ ихъ своимъ благословеніемъ и шелъ въ хлѣбню, гдѣ работалъ Кирилль. Старецъ любилъ съ нимъ бесѣдовать по долгимъ часамъ. Они говорили о спасеніи душъ христіанскихъ, и невидимо проходило время среди сладостной бесѣды.

Кирилль прошелъ черезъ весь чинъ монашескій и получилъ священство, но трудовъ своихъ онъ не покидалъ, и работалъ съ тѣмъ-же усердіемъ на братію. Когда архимандритъ Феодоръ былъ переведенъ въ другой монастырь, Кирилль назначенъ былъ на его мѣсто.

Молодые иноки полюбили его какъ отца, а старшіе какъ брата. Но онъ тяготился властью и пачальствомъ, и какъ ни мо-

лила его братія — отказался отъ почетной должности и отошелъ на безмолвіе, въ свою келью. Ему нужно было уединеніе, нужна была бесѣда лишь съ единымъ Богомъ. Но не могъ онъ удалиться отъ любви, которую обрѣлъ себѣ между людьми. Многіе приходили изъ далека взглянуть на него и послушать его святыхъ рѣчей. Приходили старцы и дѣти, приходили простолюдины и вельможи. Тогда онъ прерывалъ безмолвіе, и, какъ древле апостолы, проповѣдывалъ людямъ слово Божіе. Но архимандритъ, который его замѣнилъ, позавидовалъ такой славѣ, а Кириллъ, чтобы не смущать его сердца, покинулъ свою келью и перешелъ въ древній Симоновъ монастырь, стоявшій рядомъ *). Здѣсь онъ жилъ въ безмолвіи

*) Древній или старый Симоновъ монастырь былъ основанъ въ 1370 году преподобнымъ Сергіемъ Ра-

и знался съ людьми лишь тогда, когда люди нуждались въ немъ. Онъ-же смотрѣлъ на землю какъ на мѣсто ссылки и искалъ новаго подвига. Но куда укрыться отъ міра и отъ людской суеты? Гдѣ пустыня, ведоступная молвѣ? Гдѣ раздаются лишь голоса природы, и гдѣ имъ внемлетъ одинъ лишь Богъ? Тамъ, тамъ Кириллъ высказалъ-бы передъ Нимъ всю свою душу, излилъ-бы въ мольбахъ все свое сердце. Душно, тѣсно было старцу отъ людскихъ

донецкимъ и названъ Симоновымъ по имени плательца всего урочища Симова. Первымъ его игуменомъ былъ Осодоръ, который основалъ, рядомъ, другой монастырь (около 1379 г.), названный также Симоновымъ. Потому первый и принялъ имя Старого Симонова. Его называютъ также Рождественскимъ монастыремъ, потому что церковь, заложенная преподобнымъ Сергіемъ, посвящена Рождеству Богородицы. Неизвѣстно, когда монастырь былъ упраздненъ, но церковь существуетъ до сихъ поръ.

страстей и вопсепій, и опъ просиль не-
отступно Пречистую Дѣву допустить его
къ Господу, указать ему пустыню, куда
могъ-бы онъ бѣжать, гдѣ могъ-бы жить
въ уединеніи и молитвѣ. Все усердіе,
все пламеніе становилась его молитва, и
среди ночной тиши раздавался всегда его
голосъ. Онъ пѣлъ торжественныя иѣсни
во славу непорочной Маріи, возносился
къ ней сердцемъ и забывалъ все земное—
и услышала его Марія. Разъ, во время
молитвы, ему послышался голосъ: «Ки-
риллъ, иди на Бѣлоозеро. Тамъ уготовано
Мною мѣсто, гдѣ ты можешь спастися»,
и внезапный свѣтъ разлился около него,
и почудились ему никогда еще невидан-
ныя имъ широкія воды и мрачный боръ,
шумящій на берегу.

Съ той минуты стала его преслѣдовать
мысль о чудномъ видѣніи. Его днемъ и
ночью манило вдаль, манило къ Бѣлому

озеру, въ темныя лѣса, въ безлюдное приволье. Въ это время пришелъ къ нему съ тѣхъ самыхъ мѣстъ знакомый ему инокъ Оерапонтъ, и сталъ его разсиранивать Кирилль о Бѣлозерскихъ окрестностяхъ и жадно слушалъ его разсказы. Когда-же Оерапонтъ собрался въ обратный путь, покинулъ и Кирилль Симоновскую братію, покинулъ монастырь, покинулъ родимую Москву, взялъ съ собой икону, передъ которой молился, когда Богоматерь явила ему благодать, взялъ костыль паломника и пустился съ Оерапонтъ въ дальній путь.

Разсказывали наши предки дѣдамъ, а дѣды отцамъ, что въ нѣсколькихъ сотняхъ верстъ отъ Москвы, около Бѣлаго озера, стали ходить въ народѣ чудныя слухи. Было то мѣсто глухое, катились невозмутимо волны Сиверскаго озера, шумѣлъ на берегу огромный темный боръ,

и стояли поодаль два—три бѣдныхъ поселка. Жилъ тогда около самой глуши той нѣкто—по имени Исаія. Долгіе годы прожилъ онъ на томъ мѣстѣ, обрабатывалъ землю, и молился Богу. Однажды стало ему чудиться, что раздастся звонъ въ глуши лѣсной. Зналъ Исаій, что вокругъ не было ни жилья человѣческаго, ни церкви Божьей, а между тѣмъ все гудѣлъ невидимый колоколъ, какъ будто призывая вѣрующихъ въ невидимый храмъ. И все чаще и чаще раздавался звонъ, и вслѣдъ за звономъ стала оглашаться окрестность священными пѣснями. Долеталъ онъ и до окрестныхъ деревень, и приходили не разъ поселяне къ мѣсту, откуда слышались чудные звуки. Но глухо было то мѣсто, катились невозмутимо волны Сиверскаго озера, и шумѣлъ на берегу огромный темный боръ. Много лѣтъ гудѣлъ напрасно не-

видимый колоколь, и вотъ — изъ отдаленной Москвы пришелъ наконецъ старецъ на его зовъ.

Долго бродилъ онъ по окрестностямъ, отъпсывая мѣсто, явленное ему Божіей Матерью. И вдругъ увидалъ дикій лѣсъ и около него пространство: яко стѣна, окруженная водами. Кто повѣдаетъ намъ, что потрясло тогда его душу? Какая радость заговорила въ его сердцѣ? «Здѣсь вселюся, молвилъ онъ, таѣ извопла Пречистая». Онъ водрузилъ крестъ на холмѣ, гдѣ возвысилась потомъ его обитель и нынѣ почиваютъ его мощи, и роишь молебень Божіей Матери, и въ первый разъ молящійся голосъ раздался на томъ мѣстѣ, гдѣ уже давно кто-то призывалъ къ молитвѣ вѣрующіхъ.

Кириллъ повѣдалъ Ѳерапонту о своемъ видѣніи, и началъ вмѣстѣ съ нимъ копать въ холмѣ подземную келью. По

окончаніи работы Терапонтъ простился съ нимъ и удалился на другое озеро, лежащее въ окрестности, а Кириллъ остался въ своей пустыни. Ему было тогда, шестьдесятъ лѣтъ, но онъ не требовалъ покоя, а думалъ лишь о своемъ духовномъ подвигѣ. По удаленіи Терапонта, Кириллъ жилъ одинъ, въ молитвѣ и созерцаніи, какъ первый человекъ среди только, что созданнаго міра, и когда прославлялъ Бога, его голосъ сливался лишь съ говоромъ волнъ, и съ шумомъ деревьевъ. Но между, тѣмъ какъ, онъ бѣжалъ отъ людей, люди отыскивали его: къ нему пришли сперва два крестьянина, изъ окрестности, а потомъ два инока изъ Симововской обители. Преподобный Кириллъ уже наслаждался безмолвіемъ и уединеніемъ и, чувствовалъ, что можетъ быть полезенъ братьямъ, и что Господь готовить его, къ совершенію великихъ

подвиговъ среди людей. Онъ обрадовался пришельцамъ, принялъ ихъ съ любовью, и они построили себѣ келіи около него.

Кто бы подумалъ однако, что нашлись враги и у Кирилла? Недалеко отъ мѣста, избраннаго имъ, жилъ поселянинъ по имени Андрей. Богъ знаетъ почему сосѣдство святаго старца ему не полюбилось. Андрей сталъ прискивать средства его удалить, и придумалъ наконецъ поджечь убогія кельи. Однако совѣсть его мучила и неодолимый страхъ нападалъ на него всякій разъ, какъ онъ думалъ приступить къ грѣшному дѣлу. Наконецъ онъ на него рѣшился, разложилъ огонь у подножія кельи, а самъ убѣжалъ. Повскорѣ остановился и поглядѣлъ назадъ: разведенное имъ пламя погасло. Андрей въ неудачѣ своего замысла увидалъ промыслъ Божій, хранившій старца. Онъ пошелъ къ Кириллу, и, унавши къ нему

въ ноги, исповѣдовалъ свою вину. Кирилль, выслушавъ его, не оскорбилъ кающагося строгимъ укоромъ, а тронулъ его сердце кроткими словами. Немного времени спустя Андрей возвратился къ Кириллу и просилъ у него постриженія; преподобный совершилъ надъ нимъ священный обрядъ, и немногочисленная братія приобрѣла въ недавнемъ своемъ врагѣ смиреннаго и усорднаго инока.

Слѣдствіе о Кириллѣ и о его сподвижникахъ стала распространяться все больше и больше, и многіе, желавшіе спастись, присоединились къ нимъ и принимали постриженіе. Но братія молилась въ бѣдныхъ кельяхъ, или подъ открытымъ небомъ; не было храма, куда могли бы собираться иноки для общей братской молитвы. Всѣ обратились единодушно къ Кириллу: они просили церкви ради *общаго собранія*, просили божественной

литургии. Но какъ приступить къ сооруже́нью церкви въ такомъ уединенномъ мѣстѣ, безъ денегъ, безъ рабочихъ? Кириллъ молился и надѣялся на помощь Божьей Матери, и Божья Матерь пришла ему опять на помощь. Нежданно негаданно явились плотники и вызвались работать «Бога для». Зазвучали въ лѣсу топоры и зажужжала пила: дѣло шло живо при общихъ молитвахъ и общемъ трудѣ, и скоро воздвигнулась скромная церковь во имя Успенія Божьей Матери, и положено было начало знаменитой Бѣлозерской обители.

Не дошло до насъ преданіе о томъ днѣ, когда въ первый разъ загудѣлъ колоколъ въ новой обители, поставленный человѣческими руками, когда старецъ совершилъ въ первый разъ святое Таинство для братіи, но перенесемъ къ тому дню мысленно. Вотъ они вхо-

дятъ въ убогій храмъ, созданный ихъ усердіемъ среди пустыни. Какъ дѣти одной семьи они собираются около отца своего Кирилла. Онъ облекается въ бѣлую мухояровую ризу и совершаетъ св. тайны въ деревянныхъ сосудахъ. Какимъ умилениемъ, какой любовью, какой общей мыслью наполнены сердца! Наконецъ старецъ отпускаетъ, братію съ послѣднимъ благословеніемъ, и всѣ расходятся по келіямъ. Заглянемъ въ эти маленькія, низенькія келіи. Двери отворены: здѣсь никто не боится воровъ. Вотъ жесткая постель, вотъ божественныя книги, иконы и четки. Тутъ всѣ сокровища, все богатство инока. Келія назначена исключительно для покоя и молитвы: у каждаго своя келія, но трапеза общая: всѣ садятся безмолвно за столъ и обѣдаютъ, между тѣмъ какъ одинъ изъ иноковъ читаетъ духовную книгу. Обѣдъ былъ са-

мый незатѣйливый: братія содержала огороды и питалась овощами и хлѣбомъ, а пила одну лишь воду.

Однако стали поговаривать въ окрестности, что видно Кирилль принесъ не мало денегъ изъ Москвы, если выстроилъ церковь, да принимаетъ все больше и больше нищевъ. И разнесся слухъ о его минимомъ богатствѣ. Въ то время жилъ недалеко отъ новой обители нѣкто, по имени Феодоръ. Онъ промышлялъ грабежемъ, и однажды подослалъ шайку разбойниковъ ограбить игумена. Но вмѣстѣ съ молвой о богатствѣ Кирилла разнеслась молва и о его благочестивой жизни. Двѣ ночи сряду разбойники подходили къ убогой его келіи, и ихъ внезапно одолѣвалъ страхъ: имъ все казалось, что несмѣтная сила охраняетъ обитель, и они возвращались домой. Феодоръ удостоверился, что ника-

кой стражи нѣтъ въ обители, и что охраняетъ ее лишь Божья благодать, покаялся передъ Кирилломъ въ своемъ замыслѣ, и просилъ его прощенія и благословенія. «Повѣрь мнѣ, чадо, сказалъ ему старецъ, ничего я не имѣю кромѣ ризы, которую на мнѣ видишь, да мало книжиць». Съ тѣхъ поръ Ѳеодоръ возвращался къ нему часто и привозилъ ему всегда передъ праздникомъ рыбы отъ своей ловли.

Братія умножалась; становилось трудно содержать обитель собственными ея средствами, и случалось инокамъ терпѣть недостатокъ въ продовольствіи. Тогда они просили Кирилла дозволить имъ молить о помощи людей зажиточныхъ. Но онъ не давалъ имъ никогда своего благословенія на то. Добровольную милостыню онъ принималъ съ благодарностію, но не соглашался докучать

просьбою мірянамъ и умолялъ братію ожидать терпѣливо конца испытанія, посланнаго Богомъ. «А если Богъ и Пречистая забудутъ насъ на этомъ мѣстѣ, то что еще оставаться въ здѣшней жизни»? говорилъ онъ своимъ инокамъ, и молился вмѣстѣ съ ними, и вмѣстѣ съ ними благодарилъ Бога, когда Богъ посылалъ имъ неожиданную помощь.

Однако люди богатые стали вносить вклады въ обитель и снабжать ее съѣстными припасами. Между прочимъ одинъ бояринъ, имѣвшій большое уваженіе къ святому игумену, поставлялъ ему ежегодно пятьдесятъ мѣръ жита, и наконецъ вздумалъ упрочить за монастыремъ неотъемлемую собственность. Съ этой цѣлью онъ приписалъ къ нему село а дарственную грамоту послалъ къ Кириллу. Смутилось смиренное сердце старца. Подобасть ли обители конить богатства? по-

добасть ли инокамъ владѣть селами? Посвящая себя Богу, не отказались ли они отъ земныхъ благъ, да и самое управленіе селами не вовлечетъ ли ихъ въ мірскія заботы? А придетъ черный день, Господь ихъ не оставитъ. И Кириллъ возвратилъ грамоту боярину и написалъ ему: «Если тебѣ угодно, человѣче Божій, дать село въ домъ Пречистыя, на пропитаніе братіи, то вмѣсто пятидесяти мѣръ жита, которыя доселѣ намъ даешь, отпуская ихъ сто, если можешь: мы будемъ довольны, а селами своими владѣй самъ, ибо намъ они не нужны и не полезны для братіи».

Но вклады въ цорковь и даже вклады денежныя для монастырской казны онъ принималъ охотно отъ вѣрующихъ, и монастырская казна снабжала братію одеждою и обувью. Иноки же, въ свободныя отъ молитвы часы, занимались работою

на общую пользу, но для себя лично никто работать не могъ: Бѣлозерская обитель не допускала собственности. Разъ въ годъ одинъ изъ иноковъ ѣздилъ въ городъ для покупки всего необходимаго для братіи, но въ прочее время монастырскій уставъ запрещалъ кому бы то ни было выходить изъ обители. Уставъ былъ написанъ игуменомъ, и все ему подчинялись. Молитва и трудъ наполняли жизнь иноковъ, и весь міръ заключался для нихъ въ монастырской оградѣ. Ничто не смущало ихъ духовнаго настроенія: мірская молва не доходила до нихъ, а между собой они обмѣнивались лишь словами изъ писанія; суетныя рѣчи были имъ запрещены.

Игуменъ поддерживалъ ревность къ Богу и подавалъ примѣръ строгой благочестивой жизни: онъ изнурялъ свое тѣло веригами, не смотря на пре-

клонный лѣта; былъ неустойчивъ въ трудахъ и молитвѣ, и никто не слышалъ отъ него празднаго слова. Инокѣ любили его безграничной любовью, обращались къ нему, какъ дѣти къ отцу, исповѣдывали передъ нимъ свои тайные помыслы, и онъ подкрѣплялъ ихъ въ минуты духовной слабости и направлялъ на путь спасенія. Въ его голосѣ они слышали голосъ собственной совѣсти, они видѣли въ немъ посредника между ними и Богомъ, и рассказывали, что за его смиреніе и благочестіе Госнодь послалъ ему даръ читать въ человѣческихъ душахъ. И дѣйствительно, истина не ускользала отъ его чистаго сердца и кроткаго взгляда. Мирянинъ, по имени Осодоръ, просилъ у него постриженія; его привлекала въ Бѣлозерскую обитель молва о святости игумена. Кириллъ принялъ его и постригъ. Но недобрыя чувства вкрались мало-по-

малу въ сердце новаго инока. Святость Кирилла не внушала ему ни любви, ни преданности, а на оборотъ вселила въ него ненависть, вызванную вѣроятно тайной завистью. Но какъ видно Θεодоръ былъ человекъ не совсѣмъ дурной, онъ испугался своего несчастнаго чувства, и пытался противъ него бороться. Усилія его были напрасны: ненависть его къ Кириллу росла съ каждымъ днемъ, и онъ искалъ себѣ наконецъ опору въ совѣтахъ строгаго молчальника, котораго почитала вся братія. Θεодоръ повѣрилъ ему свою тяжкую тайну, признался, что его возмущаетъ до глубины душевной самый видъ игумена и даже звукъ его голоса, и объявилъ о намѣреніи покинуть обитель. Но молчальникъ посоветовалъ ему остаться еще на годъ, съ надеждой, что Богъ подкрѣпитъ его силы въ тяжкомъ искушеніи. Θεодоръ по-

слушался совѣта, но годъ прошелъ опять въ тщетной борьбѣ.

Тогда бѣдный ннокъ рѣшился на послѣднюю попытку: онъ пошелъ къ самому Кириллу, чтобъ изновѣдать передъ нимъ свою неправую злобу. Но когда онъ переступилъ черезъ порогъ убогой кельи, гдѣ раздавались лишь слова молитвы и любви, когда очутился лицомъ къ лицу съ смиреннымъ старцемъ, не вѣдавшимъ никогда ненависти, въ его сердцѣ пробудилось такое чувство стыда и раскаянія, что онъ не рѣшился приступить къ трудному признанію и хотѣлъ идти молча назадъ. Но Кириллъ давно уже отгадалъ его тайныя чувства и заговорилъ первый. Онъ старался кроткими словами возвратить миръ взволнованной душѣ и каялся въ своемъ *недостойствѣ*. Слезы брызнули изъ глазъ Феодора: онъ оцустился невольно на колѣни, просилъ прощенія и благословенія

нія святаго игумена и вынесъ изъ бесѣды съ нимъ глубокое чувство любви и уваженія, которое сохранялъ до гроба.

Прошло цѣлыхъ тридцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Преподобный Кириллъ поселился въ Бѣлозерскомъ краѣ. Обитель его стала всюду извѣстна благочестіемъ иноковъ и святостью своего основателя. Всѣ знали, что инокому не отказывалъ онъ ни въ милостынѣ, ни въ благословеніи, ни въ добромъ словѣ. Многіе вельможи посѣщали его и оставляли въ его обители богатые вклады. Монастырь процвѣталъ и обогащался; но своимъ богатствомъ онъ дѣлился съ нищими и слрыми. Наступилъ голодный годъ, и Бѣлозерская житница была открыта для всѣхъ нуждающихся. Мы видѣли, что все достоиніе инока принадлежало братіи, а все достоиніе братіи принадлежало несчастнымъ: такъ заповѣдалъ ея основатель.

Кириллъ заранѣе чувствовалъ приближеніе смерти. Но даже и передъ смертью, о которой давно молилъ Бога, онъ не забылъ о своихъ духовныхъ дѣтяхъ и о возлюбленной своей обители. Незадолго до кончины онъ писалъ къ Великокняжескому брату*) и просилъ его не оставить Бѣлозерскаго монастыря.

Вотъ отрывокъ его письма:

«Во имя Святыхъ и Живоначальныхъ Троицы: се азъ грѣшный и смиренный игуменъ Кириллъ, вижу, что постигла меня старость и впалъ я въ частыя, различныя болѣзни, которыми нынѣ одержимъ.... по сему послѣднимъ моимъ писаніемъ передаю монастырь трудовъ своихъ и всей братіи духовному моему сыну Андрею Дмитриевичу, дабы промышлялъ онъ и заботился о домѣ Пречистой. Духовнаго сы-

*) Къ Князю Андрею, сыну Дмитрія Донскаго.

на моего, снисценно—ипока Иннокентія, благословляю на свое мѣсто быть игуменомъ. Ты же, князь Андрей, Бога ради и Пречистой Богородицы, и ради своего спасенія и меня, нищаго твоего богомольца, вспомни, какую ты любовь имѣлъ къ Пречистой Богоматери и къ моей нищетѣ при моей жизни и по моемъ отнествіи имѣй ту же вѣру и любовь къ монастырю Пречистыя, и свой привѣтъ къ сыну моему, Иннокентію, и ко всей братіи, которые будутъ жить по моему преданію и имѣть повиновеніе къ игумену».

Кириллъ при полномъ сборѣ братіи, состоявшей изъ 53-хъ человекъ, передалъ игуменство Иннокентію, и просилъ его и всѣхъ ипоковъ свято хранить монастырскій уставъ. Сдѣлавъ всѣ распоряженія, онъ объявилъ о желаніи пребывать до конца въ безмолвіи. Силы его угасли, но не слабѣла бодрость духа. Изнурен-

ное тѣло не выдерживало уже стоянія, но онъ совершалъ сидя келейное правило и не переставалъ молиться. Для совершенія литургіи онъ не могъ ходить въ церковь, и ученики доносили его до паперти.

Смерть его была свѣтла, какъ его жизнь. Насталъ Духовъ день: Кириллъ въ послѣдній разъ переступилъ черезъ церковный порогъ и совершилъ Божественную службу. Въ свою келію онъ возвратился уже въ совершенномъ истощеніи силъ. Послѣдняя его минута была близка. Весь монастырь пришелъ въ смятеніе, иноки поснѣшили толпой принять послѣднее благословеніе праведника. Кириллъ просилъ у нихъ прощенія, уговаривалъ не предаваться слишкомъ сильному горю, просилъ ихъ жить въ согласіи и любви и обѣщалъ имъ, что не оскудѣетъ безъ него обитель. Онъ пріобщился Святыхъ Тайнъ, прочелъ послѣднюю мо-

литву и принялъ смерть, какъ давно желанное благо.

Инокн поклонились ему съ плачемъ, омыли тѣло и отнесли его въ церковь. Общее горе поразило всю братію: каждый терялъ отца и наставника. Горько для нихъ было сознаніе своего сиротства, горько имъ было бросить на праведника послѣднюю горсть земли, но они твердо вѣрили, что и за гробомъ Кириллъ ихъ не оставитъ, что будетъ онъ хранить по прежнему обитель, основанную имъ.

И охранилъ ее Кириллъ. Иаша церковь причислила его къ лику Святыхъ, и стали стекаться къ нему на поклоненіе со всѣхъ концовъ Россіи толпы богомольцевъ. Не разъ Вѣлозерскій монастырь принималъ владыкъ земли Русской, которые любили обогащать его драгоценными вкладами. Болѣе нежели на версту расширилъ онъ свою ограду, чтобы вмѣ-

стити многочисленныя свои келіи и всѣ храмы, воздвигнутыя вѣрующими въ его пѣдрахъ. Здѣсь принимали постриженіе многіе знаменитые сыны Россіи; здѣсь, во время Грознаго Іоанна, о которомъ помнитъ еще народъ, укрывались отъ опалы царской многія невинныя жертвы, и могильные камни сохранили ихъ имена потомству. Князь Андрей Дмитріевичъ, которому досталась въ надѣль земля Бѣлозерская, не забылъ о послѣдней просьбѣ святаго старца, и не жалѣлъ, для его паствы, ни своихъ трудовъ, ни своей казны. Ту-же христіанскую ревность обнаружили и его преемники. Большимъ богатствомъ владѣлъ Кирилловъ монастырь. Много серебра и золота и самоцвѣтныхъ камней сіяло на его иконахъ, много сокровищъ хранила его ризница, и было къ нему наконецъ приписано болѣе двадцати тысячъ душъ крестьянъ.

Славился монастырь и своими учеными трудами: его настоятели сильно поощряли грамотность, и многие между братьями занимались лѣтописями. Чтобы не пропали наши преданія, чтобы знали впуки, какъ жили дѣды, трудолюбивые иноки писали о невзгодахъ и подвигахъ родной страны, о небесныхъ явленіяхъ, о житѣхъ великихъ угодниковъ, святителей и царей, и переписывали писанія отцевъ церкви, и ихъ рвеніемъ была составлена богатая библіотека.

Кирилловъ монастырь, какъ и въ первые годы своего основанія, предлагалъ свои сокровища нуждающимся. Когда требовала Россія новыхъ силъ, когда нападали враги на ея сѣверные предѣлы, обитель вооружала ратниковъ для защиты края и не разъ отражала сама непріятеля и выкупала православныхъ плѣнныхъ. Наши цари надѣялись на война-

скую ея доблесть и обнесли ее двойною каменною стѣною. Смиранный монастырь принялъ грозный видъ крѣпости, и надъ нимъ возвысились тридцать шесть исполнскихъ башень, съ которыхъ гремѣли до пятидесяти пушекъ. Въ мирное время Кирилловъ монастырь молился за Россію, въ годину горя онъ поднималъ оружіе на оборону.

Уже минуло пятисотлѣтіе со времени основанія Кирилло-Бѣлозерской обители *), и чтоже осталось отъ ея большаго величія? При въѣздѣ подъ ея трехсаженной ширины стѣны, стоящія и понынѣ несокрушимо, путешественникъ грустно пораженъ видомъ унынія и запустѣнія монастыря. Чернѣютъ около ограды давно уже покинутыя, полуразвалившіяся семьсотъ келій, тянется околонихъ засѣян-

*) Пятисотлѣтіе минуло въ 1879 году.

поо поле и давно заросли травой несчет-
 выя тропинки, пересѣкавшія когда-то по
 всеѣмъ направлениямъ широкую монастыр-
 скую площадь. Лишь кое-гдѣ мелькаютъ
 какъ будто потерянные въ пространствѣ,
 черныя рясы немногочисленной братіи.
 Многія церкви пришли въ упадокъ, не
 осталось уже и развалинъ многихъ ба-
 шень. Но другія, послѣднія стражи свя-
 той обители, возвышаются еще величе-
 ственно надъ оградой, и путешественникъ
 восходитъ на нихъ, что-бы полюбовать-
 ся на окрестность съ высоты 25 сажень.
 Утратилъ монастырь свои богатства: боль-
 шую часть своей библіотеки и драгоцен-
 ностей своей ризницы онъ уступилъ спер-
 ва Новгороду, а потомъ С.-Петербургу. Но
 древняя обитель хранитъ однако свои глав-
 ныя сокровища: раку, въ которой почи-
 ваетъ ея основатель, икону, принесен-
 ную изъ Симонова монастыря и роскошно

украшенную усердіемъ пашихъ вельможъ и царей, книги, пацисанчыя пре-подобнымъ, его бѣлую мухояровую ризу, деревянный крестъ, воздвигнутый его руками, и наконецъ хранить она свято память отца своего Кирилла.

Т. Толычева.
